

МИКОЛА БАЖАН

АНГЛИЙСКИЕ
ВПЕЧАТЛЕНИЯ

МИКОЛА БАЖАН

АНГЛИЙСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1951

*Постановлением
Совета Министров СССР
М И К О Л Е Б А Ж А Н У
за цикл стихотворений
«Английские впечатления»
присуждена
СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ
второй степени
за 1949 год*

*Перевели с украинского
П. АНТОКОЛЬСКИЙ и Н. ЗАБОЛОЦКИЙ*

*Иллюстрации
художника
О. ВЕРЕЙСКОГО*

ДУВРСКИЕ СКАЛЫ

Так вот она, махина меловая,
Ползущая с нагих приморских скал,
Где дуврский рейд грохочет, открывая
Холодный свой обрывистый оскал.

Так вот она, твердыня Альбиона,
Вот неказистый известковый щит,
Передовая линия заслона,
Что пред собой от века держит бритт.

Так вот они, столбы ворот английских,
В холодных скалах стиснутый канал,
Меж берегов, застроенных и близких,
В отливах нефти глянцевоитый вал.

Война оседлым лагерем стояла
На скалах Дувра, на песках Кале.
И трижды в день над волнами канала
Зловещий грохот возникал во мгле.

И сквозь туман штормов и снегопадов
Летя во тьму английских городов,
Параболы скрежещущих снарядов
Висели здесь аркадами мостов.

Краснели волны и уступы мела,
Когда, дорогу смертную прорыв,
Железо Крупна выло и гремело
И вырастал, как черный дуб, разрыв.

В наш век война отменно долгорука,
Легли на Дувр ручищ ее следы:
Горелая громада виадука,
Зубцы развалин, горький дым беды.

Не этот дот бетонный, низколобий,
Не ребра тех заржавленных ежей,
Не полисмен, черномундирный бобби,
Остановил врага у рубежей.

В другой стране решалась ваша доля,
Британские крутые берега!
... Полян степей, курган донского поля
Да русская широкая река.

Затем лишь немцам силы нехватило
Сковать Ламанш понтоном иль мостом,
Что Волга их навеки поглотила.
Британия! Ты помнишь ли о том?

БИГ БЕН ¹

Туман над Темзой густ и рыж.
Охрипший хор сирен.
Как черный кол, над морем крыш
Торчит ночной Биг Бен.

Стоит костлявый часовой
Двух вековых палат.
Не меркнет в гонке вековой
Усатый циферблат.

Со шпиля виден издали
Светильник, как маяк.

¹ Биг Бен — Большой Бен, название башни с часами у здания парламента в Лондоне.

Но где же в море корабли,
Которым дал он знак?

Кто скреб на циферблате том
Протекшие года?
Желтеет круг слепым лицом —
Ни светоч, ни звезда.

А сторож каменный блюдет
Светильник до сих пор,
Как знак, что все еще идет
В Палате давний спор.

Лжецам охрипшим не до сна.
Их свалка вновь черна:
Эсквайр Измена, лорд Война —
Компания одна.

И думает старик-солдат,
Чудак-верзила Бен,
Что в многословье двух Палат
Немало зряшных сцен,

Что джентльменский дельный торг
Свершится без рацей, —
На все, что повелит Нью-Йорк,
Отвечено: «О'кей!»

«Я, — шепчет Бен, — едва терплю
Тех спорщиков чудных.
Сложил ведь янки королю
Речь тронную для них.

Пусть пересмотрят штат Палат,
Весьма раздутый штат, —
Без лишних обойдется трат
Сорок девятый штат.

Недаром мистер Уолл-стрит
Сегодня убежден,

Что коль рабом не будет бритт,
Лакеем станет он.

А наша власть и наша знать
Могла бы остров весь
В обмен на доллары отдать,
Лишь бы осталась спесь.

Пусть ублажает тех людей
Заморский джентльмен.
Не скажет наш народ: «О'кей!»
Нет!» — прошептал Биг Бен.

Час торжества пробил и сплыл,
Сковал чертоги страх.
Здесь порох заговоров был,
Теперь — словесный прах.

И снова Бен, усач-солдат,
Счет времени ведет.
Хоть и не стало важных дат,
Но точен верный счет.

И не отчалит с рубежа
В морской простор земли
Готическая та баржа,
Погрязнув на мели.

Что ж, стереги и сторожи,
Верзила, тощий Бен,
Архивы всебританской лжи,
Интриг, расправ, измен.

Служака вздрогнул, подтянул.
Задымленный камзол,
Едва по камню полоснул
Двух стрелок злой укол.

И в иглах готики ночной
Запел тяжелый бас.

И все мрачнее над страной
Встает полночный час.

С Востока день летит. И звон
В теснине древних стен
Не остановит бег времен, —
Биг Бен, Биг Бен, Биг Бен.

НАБРОСОК ПОРТРЕТА

Всем грузным туловищем в кресле утонул,
Насупился, дымит сигарой целый вечер,
Блудливыми гляделками блеснул,
Но суетливо прячет их при встрече.

Желта и маслениста, словно сыр,
То никнет голова, то выпрямится сразу.
Смочив слюной, жует он злую фразу,
Которую хотел бы плюнуть в мир.

Трет руки, к возражениям готовясь,
Так истово, как будто моет их, —
Еще бы! ведь ладони рук своих
В грязи немалой замарал торговец!

Но не замыть кровавых пятен тех, —
Кровавые, навеки вьелись в тело,
О, как ему знакомо злое дело,
Отрава лицемерья, грязный грех.

Недаром вяжут пухленькие руки
Измены, дразги, драки стольких стран,
И тайный торг, и явственный обман,
И клоунски-ораторские трюки.

Но снова рвется сеть его интриг,
И тайна вылезает, обнаружась,
И вновь его охватывает ужас, —
Старался же, из кожи лез старик!

Вот отчего трясет его тревога,
И мглой белки подернуты слегка,
И брылья щек маститого бульдога
Свисают чуть не на борт пиджака.

Он тридцать лет живет одной отравой
И злобно смотрит целых тридцать лет,
Как на востоке триумфальной славой
Сияет человечества рассвет.

Он сделал все, что мог, — брюзжал, пугал, порочил,
Дразнил, и грыз, и ублажал, и ныл,
И ласково прельщал, и яростно пророчил,
Но челюсть вывихнул, кулак раскровавил.

Ничто не помогло — ни свара, ни разлад,
Ни хитрость сыщика, ни месса Ватикана.
Идет история! Колеса великана —
Хоть лезь под них — не вернется назад!

Ну, что ж! Витийствуй, лжец! Выбалтывайся в спиче!
Выматривай из-под опухших век,
Впивайся, лживый, подлый человек,
В глаза чужие, в чуждые обличья!

Так точно, как недавно ты глядел,
Завистливо, упрямо и пристрастно,
В глаза бойцов и в красоту их дел.
Продать их жизнь ты, кажется, хотел,
И продал бы, да дело не подвластно.

Ты наклоняешься, не хочешь повстречать
Глаз человеческих, хотя бы на мгновенье.

Невыразимую скрываешь ты печать,
Знак слепоты, тревоги, омертвения,
Зловещее последнее клеймо,
Что время на тебя кладет само!

В СТРАТФОРДЕ НА ЭЙВОНЕ¹

Над стриженной, стрельчатой травкой газона
День сумрачен, влажен и мглист.
Плющом помертвевшим обвита колонна.
Мерцает густой остролист.
Все тихо. Лишь трепет беззвучного звона
Взбирается вверх, серебрист.
Да сыплются листья, желтея и тлея,
С янтарных платанов аллеи.

Нет, я не нарушу дремоты. Лишь тише
Пройду этим темным двором
Туда, где степенно и сумрачно в нише

¹ Город Стратфорд на реке Эйвоне — родина Шекспира.

Он пишет крылатым пером, —
Слова, что не сказаны раньше, он пишет,
Слова, что не собраны в том.
Но как одиноко в неярком сиянье
Наивное то изваянье!

Ему, несчастливому сыну банкрота,
Видавшему тьмы передраг,
Актеру, тайком написавшему что-то
Для комедиантов-бродяг, —
Пожалуй, ему не к лицу позолота,
Не нужен совсем саркофаг.
Но с прежним своим атрибутом он ладит:
Перо и бумага — и хватит.

На сглаженном временем влажном пороге
Он вырезать сам попросил
Слова эпитафии, полной тревоги
За прах невольможных могил:
Стратфордский ремесленник, странник убогий,
Не слишком уверен он был,
Что кости поэта, бродяги, актера
Почиют в ограде притвора.

Немало он слышал проклятий бесстыжих,
Видал корчмарей пред собой,
Встречал школяров и крикливых ярыжек,
Знакомился с давкой любой,
И черный, как дым на соломенных крышах,
Бродил по земле с голытьбой.
Он знал, ненавидя, ликуя, ревнуя,
И щедрость и подлость земную.

И жадный до жизни, и воображеньем
Достигший глубин естества,
Несытый, исполненный страсти и жженья,
На мир предъявлял он права,
И полчища слов выводил он в сраженья,
И шли и боролись слова.

Так вечную правду поэт-триумфатор
Принес на подмости, в театр.

Как вечно в горах непогода клубится.
В трагедиях дышит гроза,
Шумит непогода, природе не спится.
И молния блещет в глаза.
Шалее ревнивец, крадется убийца,
По страшному скату скользя.
Сверканьем оружия, огнем красноречья
Пылает борьба человечья.

Не алчным купцам, не дешевым лакеям
Ту мощь суждено воспринять
И перед гигантским и светлым трофеем
Колени свои преклонять,
И труд, совершенный великим плебеем,
Умом благодарным обнять:
Титаном навеки скрепленные глыбы
Сердца раздавить им могли бы.

Театр на газонах Эйвона зеленых
Построил заморский банкир.
Там скука от сцен, сотни раз повторенных,
Там мода справляет свой пир.
Для избранной кучки лжецов лжеученых
Не явится нынче Шекспир.
Лишь бледная копия встанет из гроба
На суд торгаша или сноба.

Где ж толпы, встающие буре навстречу,
Где рокот встревоженных зал,
И в миг, когда смолкнут трагедии речи,
Партера бушующий шквал?
Где слава твоя, — всенародное вече
Восторгов, и слез, и похвал?
Спускается занавес важно и сонно, —
Молчит гордый лебедь Эйвона¹.

¹ «Лебедь Эйвона» — так в Англии называют Шекспира.

Далеко от этой страны, на востоке,
 На древней Памира земле,
 Сквозь пропасти, сквозь ледяные потоки,
 Таджик на горбатом седле
 Спешит, пробирается в город далекий.
 Туда в вечерюющей мгле
 Поспеет он прямо к спектаклю, к началу.
 Чтоб «Быть иль не быть» прозвучало.

В донецкой степи, у ребят-комбайнеров
 Толпится веселый народ.
 Поэта старинного яростный норов
 Их за сердце нынче берет.
 Двенадцатый вечер бессонных актеров
 К «Двенадцатой ночи» ведет,
 Чтоб яркие и молоды были тирады
 Для зрителей олимпиады.

Вот горец из спрятанной в тучах деревни
 В театр многолюдный проник.
 Он слушает жадно рокочущий, древний,
 Как мужество сильный язык.
 Трагедия мчится. Дотла догорев в ней,
 Герой изнемогший поник.
 И Яго клянет и дрожит за Отелло
 Тот смуглый чабан Сакартвело¹.

¹ Сакартвело — Грузия.

Когда знаменитые кони четверкой
Сияют в морозной ночи,
На яркую сцену тревожно и зорко
Глядят кузнецы и ткачи.
Как в праздник, полны эти люди восторга,
Овации их горячи.
И девушка, спрятав лицо у колонны,
Оплачет влюбленных Вероны.

Туда, к не чужим, хоть и дальним народам,
Ты перешагнул рубежи.
Ты там оживаешь, не скован, не продан,
Всем юным величьем души.
Уже не плывет гордый лебедь по водам,
Загнившим от скуки и лжи.
Душа его, полная песен и звона,
Навеки ушла от Эйвона.

Уже не найдешь лебедей на Эйвоне.
Лишь занавес серых дождей
Струится ненастной рябью в затоне
Стратфордских пустых площадей.
Лишь сторож ключами лениво трезвонит
Да листья сметает с аллея,
Где в сумерках так одиноко и сиротливо
Мерцает могила Шекспира.

В ОДНОМ ИЗ ЛОНДОНСКИХ КВАРТАЛОВ

Когда пройдешь ряды туманных, монотонных
Проспектов, площадей и улиц полусонных,
Коттеджей черно-красные ряды,
Исполненных унынья и вражды, —
Ты к площади выходишь неширокой,
Где вянет мокрый куст запущенного дрека
Да тянет остролист в кичливости своей
Колючки тонких молодых ветвей.

Глухой кирпичный мир покорности и горя
Тускнеет в будничном бескрайнем коридоре,
Без дружбы, без надежд. И прозябанье то
Как будто в ящиках промозглых заперто.
Проходят женщины, угасшие до срока,

И в очередь встают, сутулясь одиноко,
Да почтальон стучит, по плитам проходя,
Да захлебнется, кашляя, дитя.

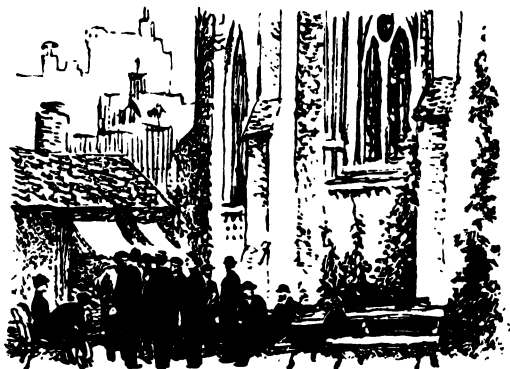
Здесь каждый звук, отдельно существуя.
На гляцевитую ложится мостовую
И гаснет, чтоб ответа не найти
На долгом и бессмысленном пути.
Ни вдоха ветерка, ни школяра, ни птицы,
Лишь серость в скверике церковном проструится,
Да треугольная унылая стена
Под слоем копоти и сажки чуть видна.

Войдем туда, во мрак. Дух пыли, воска, тлена.
Косой осенний луч не вырвется из плена.
Его запутало костлявое окно
Цветными стеклами, ослепшими давно.
Потрескались полы дощатые, и прочно
Уперся тощий столб под балкой потолочной,
Как будто сторожит фальшивый сплин и плен
Белёных. равнодушных. голых стен.

Но мы поражены не шелестом усердным
Торгашеских молитв, не миром лицемерным, —
В вертене ханжеском в молчанье мы стоим.
Воспоминанием взволнованы иным.

Ты слышишь ли шаги поспешные, что гулко
Здесь сорок лет назад звучали в переулке,
Размолвок эхо, совещаний след,
Не стершийся за сорок долгих лет?..
Из-за холодных стен, готических амвонов,
В спокойное тепло апрельских вечеров
Сквозь череду скупых, задымленных фронтонов,
Бездушных улиц, запертых домов
Пришли они, послы миллионов и миллионов,
Разбуженных на бой, бесстрашных мастеров.

Здесь было москвичей-дружинников немало,
Ткачей ивановских и горняков с Урала,
И сталеваров — питерских бойцов,
Декабрьских дней застрельщиков-гонцов.

И рядом с ними, окружен толною,
Крутой свой лоб склонивши вбок слегка,
Сражение выиграв и вновь готовый к бою,
Шел человек, смотрящий сквозь века.

Взял под руку он друга молодого.
И в будущую даль так и прошли они
По теплым плитам города седого,
В весенний вечер, в лондонской тени.
Струилась тихо влага и звенела.
Рассеивался сумеречный свет.
Им предстояла жизнь, борьба и дело,
Могучий праздник завтрашних побед.
Нет! Не хвалиться малостью добытой,
Лишь властно за собою закрепить.
Ведь враг силен, живучий, недобитый,
И значит, предстоит его добить.

Так шли из расступившегося круга —
Задумчивый учитель — старший брат,
И вслушивался младший в слово друга
И сам мужал, — тбилисский делегат.

И дым любимых городов России,
Кавказских гор гряда, украинская даль,
Мечта о подвигах, свершаемых впервые, —
Все виделось им, все закаляло сталь.
Нет, битвы не страшат в открывшихся пределах,
Ни чернота измен, ни пролитая кровь, —
Есть армия бойцов, в ней двести тысяч смелых,
Она растет уже и наступает вновь.
Она резервами и силами богата.
Святое знамя пролетариата
Не склонится пред краснобаем лжи.
Яснеет даль. Открыты рубежи.

В боях за партию, за рост ее упорный,
Заставив смолкнуть голосок тлетворный,
Меньшевиков отравленный язык, —
Мужал, и рос, и крепнул большевик.

Так партия, мужая, вырастала,
Готовя тот желанный день сигнала,
Что в буре и громах шел, как девятый вал.
И через десять лет прогрехотал сигнал!
И тот, кто здесь прошел по магистрали мертвой,
В апрельский вечер через десять лет
Взойдет на броневики, чтобы рукой простертой
Народам указать путь завтрашних побед.
И добрый друг его, мыслитель, вождь и воин,
Он встанет рядом с ним, — и, объединены,
Пойдут они вперед — в сиянье огневое,
В года работы, творчества, войны.

Кварталы плыли, серые, как вата.
День лондонский, вставая тускловато,
Плыл по холмистым берегам реки.
Здесь сорок лет назад прошли большевики.

Из ночи императорской острожной,
Рабочих хижин, заводских казарм,
Путями контрабанды бездорожной,
Чтоб шпик не видел, не поймал жандарм.

Чтоб часовой не слал вдогонку пули,
А полисмен в порту не подстерёг,
Готовые на риск, на столкновение с бурей,
На чёрный мрак нехоженных дорог;
Готовые всю жизнь гореть в работе пылкой,
И пытку вынести, и не страшиться кар,
Не дрогнуть пред любой далекой ссылкой,
И первым нанести в желанный миг удар,
И вновь решётку гнуть и рвать оковы;
Готовы счастье выстрадать своё,
И, слыша волю партии, готовы
Ей жизнь отдать, чтоб укрепить её, —
Пришли послы рабочих масс России,
От фабрик городских, из сельских дальних мест.
В огромный Лондон, в эти стены злые,
На партии великой пятый съезд.

. . . Нет, это не игра воображенья, верьте!
Не память давних дел, не отклик старины.
То голос мощи, славы и бессмертья
Нам прозвучал, как гимн родной страны.
То ветер долетел до Лондона с Востока.
И ветром тем развернутый багрец
Есть знамя наших огненных сердец,
Частица пламени. свет родины далекой!

СУМЕРКИ В ГАЙД-ПАРКЕ

Еще очертания птиц дрожат на озерной воде
И медленно чайка летит холодным туманным простором,
На бледные полосы туч крыло положив в высоте,
Сквозь вялую зелень ветвей мелькая дымком среброперым.

Смеркается. Из-за деревьев, на гладком разгоне дорог,
Которые длинной петлей безжизненный парк огибают,
Приземистых черных машин несется тяжелый поток,
Они на асфальте шипят и, злобно шипя, исчезают.

Бензиновый едкий угар ползет по шоссе полосой,
Ползет по дорожкам аллей, выдавших немалые беды.
Все глубже ложится туман, и пахнет прокисшей ботвой
От старых заброшенных гряд в сыром «огороде победы»¹.

¹ «Огород победы» — так была названа часть Гайд-парка, раскопанная под огороды.

И весь этот запах гнилья, вся душная зыбкая мгла
Колеблется, вьется, течет, сплетая туманные нити,
И мрак опускается в парк, и тишь над листьями всплыла,
И зданья поникли вокруг в тяжелом безмолвном укрытии.

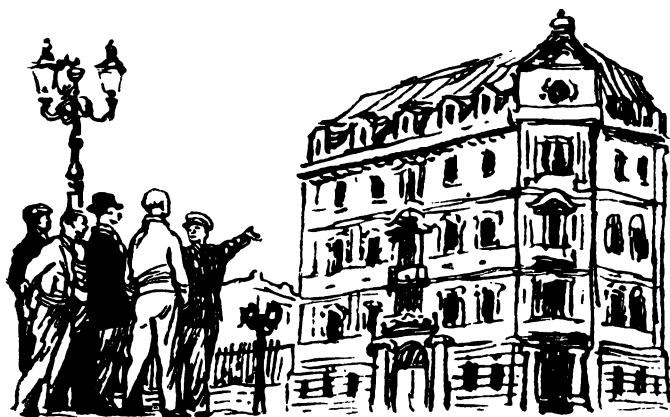
Шуршание чьих-то шагов из мглы донесется на миг
И стихнет, поглочено мглой. И вновь наплывает молчанье.
От холода мелко дрожа, идет, приподняв воротник,
Какой-то чиновник. Скрипит утоптаный гравий в тумане.

Идут друг за другом. Один себя повторяет в другом,
Такой же бесплодной тоской, как новый прохожий, болен.
Такое же сердце в груди под тем же скрипит сюртуком.
Такой же придавленный рот, такая же дряблая шея.

Как цифра на счетчике, вдруг является черная тень,
Чтоб сразу исчезнуть, за ней другие бегут единицы.
Чураясь друг друга всю жизнь, кончая безрадостный день,
Идут боязливо они, безликие дети столицы.

То клерки идут по домам, как будто справляя обряд.
Когда закрывают бюро и гасятся лампы в конторах.
Размеренным маршем нужды бредет по Гайд-парку парад
Несчастных созданий людских без всякой надежды во взорах.

Без слов, без друзей, без мечты идут, чтоб уныло молчать,
Писаки разбойничьих фирм, контор беспощадных служаки,
И мертвенно светят во мгле их лица, как будто печать
Имперских безрадостных дел, холодной имперской клоаки.

СОЛДАТСКАЯ БАЛЛАДА

«Гип-гип!» — все кричат солдаты
на палубе корабля,
Увидев зубчатый Тауэр
и флаги на каждом доме.
Видишь? Весь Лондон, Томми,
Вышел навстречу Томми,
Славного рядового армии короля.

С войны молодцом вернулся,
медаль на груди блестит,
Похвальный написан отзыв
в солдатском его дипломе...
Лондон встречает Томми.
Слышишь? Во славу Томми
Речь говорят за речью, целый оркестр гремит.

Куда ж' засмотрелся бравый,
бывалый герой-солдат?
Неужто в такой толкучке,
в могучем фанфарном грое
Сможет тревожный Томми,
Чуть побледневший Томми
Встретить жену с ребенком? Где они тут стоят?

Ого, он-таки увидел,
клянусь, он увидел здесь,
Увидел жену с ребенком
в стотысячном том содоме!
Вон где подруга Томми,
Сын пятилетний Томми,
Аткинсов добрый отирыск, слава его и честь!

Скорей бы уж речь кончалась, —
солдату она скучна...
Чей пульс может быть сегодня
спокойным, как в метрономе?
Видит подруга Томми,
Сын же не знает Томми, —
Год ему был в то время, как началась война.

По трапу сбежал на пристань,
ребенка к лицу поднес,
Рукою подругу обнял.

Прижались они в истоме —
Сын и подруга Томми —
К милому сердцу Томми.
«Анни, не плачь, родная! В счастье не нужно слез!

Вернулся живой, здоровый.

О чем нам тужить сейчас?
Работу дадут мне скоро,
наладится счастье в доме...»
Что она шепчет, Томми?
Что ты так вздрогнул, Томми?
«Я тебе не писала. Дома уж нет у нас...

Росла на квартиру плата.

Я, милый, все продала,
Но много ли на продажу
нашла я в домашнем ломе?
Долг за квартиру, Томми,
Милый, любимый Томми,
К сроку я, как ни билась, выплатить не смогла.

В рабочий квартал за Гринвич
от центра далекий путь —

Автобусом и трамваем
иль Темзою на пароме, —
Там лишь на время, Томми,
До декабря лишь, Томми,
Добрым друзьям недавно нас удалось приткнуть».

Как будто ослепший, Аткинс
взглянул на поток людской.

Оставив жену с ребенком,
всего ожидал он, кроме...

Скрипнул зубами Томми,
Хмурый, угрюмый Томми, —
Вот он вернулся в Лондон, в Лондон суровый свой.

Обил все пороги Аткинс.

Дождливый сентябрь настал.

Кричат, возмущаясь, клерки
в большом министерском доме:
«Этот бездомный Томми,
Этот бродяга Томми
Голову всем морочит, чорт бы его побрал!

Представьте, министр почтенный,
столь вежливый лейборист.
Был вынужден против воли
ему отказать в приеме, —

Ляпнул министру Томми,
Дерзкий невежа Томми,
Будто закон квартирный в нашей стране нечист.

Пускай поночует Аткинс,
пока не остынет зуд.
Внизу под мостами Темзы,
на старой гнилой соломе.
Там сослуживцев Томми
Встретит, наверно, Томми, —
В Англии справедливой люди и там живут».

О да! Не один Томми Аткинс —
с друзьями он шел пешком,

Шагал по ноябрьским лужам,
тащился в тоске и дреме.
Вдруг оглянулся Томми,
Остановился Томми:
Меж освещенных зданий высился темный дом.

Ворота на ключ закрыты,
колонны торчат у стен,
Души не видать единой
в огромном пустынном доме.
«Здесьний хозяин, Томми,
Хитрый — смекаешь, Томми?
В дом свой жильцов не пустит, ждет повышения цен.

Торгаш запечатал двери —
он хочет двойной цены.
Пусть даст он жилье бездомным,
которые спят в соломе!
Крик бесприютных Томми,
Жалобу многих Томми
Нынче из этих окон мы прокричать должны».

И вот бедняки решили
под вечер того же дня
Хоть силою поселиться
в пустом и огромном доме.
«С нами вселяйся, Томми,
Но без домашних, Томми:
Будет скандал и ругань, драка и беготня».

Хозяин явился утром,
он был на птенца похож.
Но сколько вместилось злобы
в таком слабосильном гноме!
Стоя за дверью, Томми
Слушал, как крыли Томми:
«Это подрыв закона! Собственности грабеж!»

«Спокойно, держись, ребята!
Бери и пиши плакат:

«Кто смеет людей бездомных
в каком-то винить погроме?
Дайте жилище Томми,
Дайте работу Томми,—
Вот что у власти пресит Аткинс — старый солдат».

Дознались о том министры,
сам мэр постучался в дверь,
Чуть свет заявили бобби
и встали толпой на-стреме.
«Хочешь квартиру, Томми?
Будет квартирка Томми!
Но погулять не выйдешь ты из нее теперь.

Задержанный полисменом,
никто не проникнет в дом,
Никто вам не бросит хлеба
в каком-нибудь грязном коме.
С голоду сдохнешь, Томми,
Если не станешь, Томми,
Преданным и послушным,—тихим, как мышь, притом».

«Держитесь, ребята, знайте:
чиновники в эти дни
Хотят проучить бездомных
и нас обвинить в погроме.
Нояс потуже, Томми.
Голод — не тетка, Томми».
Третий уж день без хлеба и без воды они.

На той стороне пугливо
их жены три дня стоят.
Ты видишь их лица, Аткинс,
в голодной своей истоме?
Там твоя Анни, Томми,
Хлеб принесла для Томми.
Крутятся полисмены, сердятся и молчат.

О чем она молит бобби?
Во всем он откажет ей!
Она подошла к воротам.
Но клобы¹ уж на подъеме.

Клоб опустился, Томми...
Бьют твою Анни, Томми!..
Томми щеколду вышиб, выбежал из дверей.

«Не бейте! Не смейте!» — Хрюснул
о голову Томми клоб.
Как выстрел, друзья метнулись
в туманном дверном проеме:
«Все мы с тобою, Томми,
Вместе с тобою, Томми!»
Томми склонил на камни кровью залитый лоб.

Крик женщин пронесся глухо.
Но тут из домов, с авто
Посыпалась куча бобби
принять участие в разгроме.
Тащат в машину Томми,
Топчут бездомных Томми,—
Смолкли они. Пощады здесь не просил никто.

¹ К л о б — резиновая дубинка полисмена.

Судья свой парик поправил
и начал, хрипя, читать
Прекрасный закон британский.
копаясь в огромном томе.
И получил наш Томми
Вместе с друзьями Томми
Комнатку за решеткой ярдов, примерно, в пять.

«Покурит, игрушку склеит,
и чорт его не возьмет!»
Задержанный не утопит
ни в Темзе себя, ни в роме,
Формы солдатской Томми
Здесь не износит Томми.
Только жена, быть может, в вечной нужде умрет.

Так, страж вековых традиций,
парламентский лейборист
Свою доказал способность
наладить порядок в доме.
Что ему скажет Томми?
Кто будет слушать Томми?
Слушать министра нужно, он же — «социалист»!

СТРАНСТВУЮЩИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

Он вошел — довольный, шумный,
Самый бравый из гуляк.
«Мой девиз: цеди, не думай!
Чарку! Виски иль коньяк?»

Звучным тостом, громким спичем
Звон бокалов заглушен.
И, сияя всем обличьем,
Осушает чарку он.

Выпил, крикнул, не уходит.
«Вы не пьете? Я — один?» —
И гостей, привстав, обводит
Наглым взглядом господин.

Что ж, солдат осилит фляжку
Без жеманства и гримас,
Весь душой он нараспашку,
Всем готов служить для вас.

Пить — так пьет, дружить — так дружит,
Говорит, козь не охрип,
Только взгляд уликой служит:
«Вот я, киплинговский тип!»

Жесткий усик над губою
Рыжим ежиком торчит,
Око пулею стальною
Собутыльника сверлит.

Рот коньячным дышит жаром,
Щеки движутся едва,
И не лондонским загаром
Вся покрыта голова.

Из каких он стран явился
В город стали и угля?
Где, в которой он кормился,
Разоренная земля?

Может быть, в малайских недрах
Джентльмен бродячий сей
Вытирал платком на гетрах
Кровь расстрелянных детей?

Иль на склонах Гималаев,
В честь империи трудясь,
Подкупал он, вдрызг излаяв,
Человеческую мразь?

Или в тюрьмах отдаленных
Сей бродячий господин
Взвесить головы казненных
Торопился близ Афин?

Где он, злобен и порочен,
Для империи возрос?
Червь сокрытых червоточин,
Из каких земель приполз?

Вот вошел он, парень бравый,
Самый шумный из гуляк,
Взял рукою сухощавой
Чарку — виски иль коньяк?

И узнали мы мгновенно
Не забытый ни на миг,
Тень отбросивший на стену,
Низколобый страшный лик.

Галуном сверкая флотским,
Шли такие же, как он,
По барханам красноводским
На отмеченный кордон.

И под грохот барабана
Уж не он ли, наш сосед,
Прямо в сердце Шаумяна
Разрядил свой пистолет?
Сколько ж раз он жаркой кровью
Шаумяновых друзей
Орошал, не дрогнув бровью,
Прах чужих ему полей?

Нет уж, сами, сударь, пейте,
Пейте ночи напролет!
Пусть за все услуги эти
Мистер Бевин вам нальет!

Повернуть на эти спичи
Не хотим мы головы.
Только взглянем на обличье —
Знаем, сударь. Враг-то — вы!

ВСТРЕЧА В ШЕФФИЛЬДЕ

Не голубыми глыбами металла,
Не содроганьем огненных печей,
Не кранами, гремящими устало
По километрам ржавых галлерей,
Не туш железных ровным поворотом
Там, где гигантский движется вал,
Не молота стремительным полетом
На опухоль багровомясых скал,
Не молний распростертыми бичами,
Что вьются здесь, цепляясь за фарфор, —
О, нет, вставая вновь перед глазами,
Не этим мой притягиваешь взор
Ты, серый Шеффилд, в сумраке туманов,
В зловонной тине, в угольной пыли.

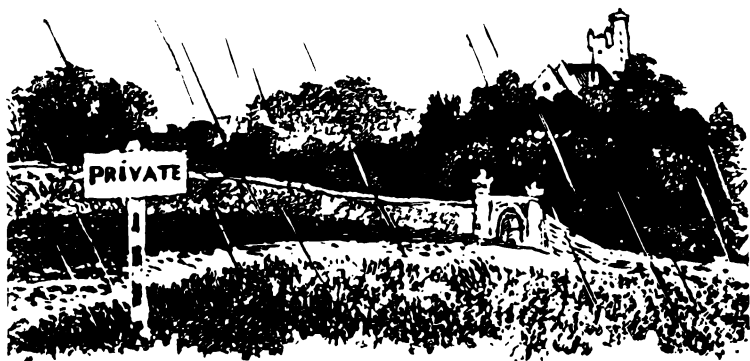
Я не таких видал еще титанов
В степях донецкой радостной земли.
Нет, не машин запомнил я дыханье
И не британской стали образец,—
Иные о тебе воспоминанья,
Угрюмый Шеффилд, сгорбленный кузнец!

Водил хозяин по своим владеньям
Советских граждан из далеких стран,
Величественно топал по ступеням,
Задерживал, пускал прокатный стан.
Он говорил, что всё без исключения
Принадлежит и служит здесь ему.
Но почему он, полон подозренья,
Следит за теми, кто снует в дыму?
Как мало их! Тех на обед послали
За пять минут до общего гудка,
Тех клерки в канцелярию загнали,
Тех старший мастер держит у станка.
И все-таки, из рыжей мглы плавильной
И в сборочной из-за железных плит,
Они выходят, строги и всеильны,
И встреча с ними все же предстоит.
Знакомы лица, руки, очертанья,
Но взгляд не наш. Он сдержан и суров.
Стоят в чужом, в хозяйском дымном зданье
Рабочие британских островов.

«Вы, господа, прошли бы в те ворота!» —
Спешит хозяин, очень он спешит.
Вдруг чей-то смех, и меткая острота
Ему вдогонку весело летит.
И снова круг сомкнулся перед нами,
И снова он взволнованно притих.
Старик-кузнец с лазурными глазами
Проходит меж товарищей своих.
Остановившись перед первым рядом,
Он расправляет седоватый ус
И медленно показывает взглядом
На глыбу стали между синих блуз.

Белел листок на этой гладкой стали,
Любовно вырезанный из газет.
Так вот зачем толпою люди встали,
Вникая взглядом в скромный тот портрет!
Снимают кепи, спины разгибают,
Еще тесней смыкаются в кольцо
И долго и торжественно вникают
В задумчивое светлое лицо.
Как на душе тепло и ясно стало,
Когда в минутной этой тишине
Нас самым близким именем встречала
Толпа друзей, родная нам вполне!..
Пойми ж и ты привета смысл правдивый
И до конца достойным будь того,
Чем стал для мира наш народ счастливый,
Чем стал для мира светлый вождь его!..

Не сполохом мартенов разъяренных,
Не тяжким громом блюминговых глыб,
Не вклятвами лжецов иноплеменных
Запомнить, Шеффилд, мы тебя могли б.
Толпу людей над глыбою стальной,
Портрет вождя — товарищей привет —
Мы вспоминаем. Так! Не вечно мглою,
Угрюмый Шеффилд, будешь ты одет.

ПО ШОТЛАНДСКОЙ ДОРОГЕ

Сини и сизы, лазурны и сивы,
Грифельно-серы и густочерны,
Взвихренных туч распростерлись извивы
Над возвышеньями горной страны.
Ветры, свистя, вырывают растения,
Вереск ломают и дергают мох.
В вое ветров, в ураганном смятенье
Зарокотал, закипел Ломонд Лох¹.
Ветра глотнув, тут помчаться б в разгоне
Берегом, лесом, без меж и без троп...
Кто-то кричит: «Не ходи дальше, Джонни!»
Столб с четкой надписью: «Private»². Стоп!

¹ Ломонд Лох — залив в Шотландии.

² Private — частная собственность.

Земли пропитаны влагой студеной,
Тянет болотом, с опушек несет
Запахом плесени, каждый зеленый
Кусти́к подернут цветеньем болот.
Парк, голубея в недобром просторе,
Тянется тучей десятками миль.
Крепки ворота, всегда на запоре.
Дождик гундосит. Безлюдье и гниль.
Кто ж тут хозяином, в этом безлюдьи?
Злобный отшельник? Скупец-мизантроп?
Стой! Замолчи! Не ходи туда, Рудди!
Столб в серой плесени — «Private». Стоп!

Дальше и дальше, вперед по Хиг-Ланду¹.
Тмином и вереском пахнет туман.
Гонит овец грязнобелых гирлянду
Мшистым отрогом наемный чабан.
Овцы — лендлорда, холмы и поляны —
Тоже его... Неужели навек?
Тише, коль дорог вам хеггис овсяный!²
Может подслушать худой человек.
Думаешь, счастье в пастушеском доме,
Как на Востоке, здесь даться могло б?
Перед судьбой твоей высится, Томми,
Столб земель герцога — «Private». Стоп!

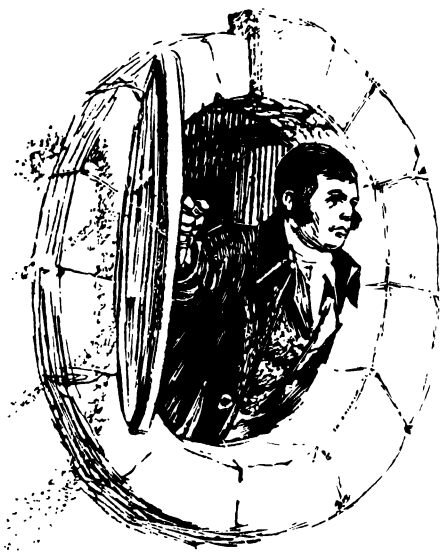
Глухо топчут копытца овечьи
Вдоль небольшой каменистой стены.
Стареньким пледом покрытые плечи
Клонят под долгим дождем чабаны.
Столбик над тропкою — выцветший «Private»,
Столбик над фермерским жалким лужком.
Но землескупщики разве не вправе
Пренебрегать этим нищим столбом?

¹ Хиг-Ланд — горная Шотландия.

² Хеггис овсяный — овечья требуха, сваренная с овсяной мукой.

Что ж будет дальше? Сгниет ли в тумане
Где-то на Клайде бедняк-землекоп
Или в Судане, став хищником, Данни,
Столб свой вколотишь ты — «Private»? Стоп!

Сомкнуты губы. Насуплены брови.
Что это? Чванство? Замученность? Сплин?
Хмурые образы средневековья,
Копья решеток, ограды куртин.
Как в подземелье, дышать нету силы
Душной, прогнившей насквозь стариной.
Вот громоздятся у края могилы
Тени столетий былых... Предо мной
Герцоги, лорды, дельцы, фабианцы,—
Масок крутящийся калейдоскоп,
Вьется, облапив в бессмысленном танце
Столб с черной надписью: «Private». Стоп!

ВОСПОМИНАНИЯ О БЕРНСЕ¹

Внезапный дождь, ударив с моря,
Весь в иодном запахе сыром,
Напеву джиги звучно вторя,
Пустился в танец под окном.

Еще по улицам положим
Не отшумел его раскат,
Как, разливаясь по дорогам,
Ручьи ударили в набат.

Он миновал, как синий сполох
Летучих искр и струй воды,

¹ Роберт Бернс (1759—1796) — великий шотландский поэт. Стихи курсивом — из поэзии Бернса, в переводах С. Маршака.

И в радугах, как в ореолах,
На кручах расцвели сады.

Зазолотились, засинели
В игре сверкающих огней
Сырые выступы панели,
Каменья старых площадей.

Веселым холодком дохнуло,
Пьянящим, звонким, словно медь,
И сердце от такого гула
Вдруг стало радостно звенеть.

И, распахнув среди столицы
Окошко, круглое, как пенс,
Горбатых кровель черепицы
Перед собою видит Бернс.

Вот перед ним в броне кирпичной
Ползет, как ящер, как вампир,
Мир Эдинбурга черепичный,
Любимый, ненавистный мир.

Под черепичным покрывалом,
Клокочет мир глухой борьбы.
Так стонет лес, гудят дубы
Под штормов яростным обвалом.

*«Британский край! Хорош твой дуб,
Сосна и тополь — тоже.
И ты на шутки был не скуп,
Когда ты был моложе.*

*Богатым лесом ты одет,
И много в нем грибов, брат.
Но дерева свободы нет
Среди твоих дубов, брат.*

*А без него нам свет не мил
И горек хлеб голодный.*

*Мы выбиваемся из сил
На борозде бесплодной».*

И в даль, печален и суров,
Впивался Бернс. И там вздымалось

Кипенье рваных облаков,
И черепица мглою стлалась.

*«Но верю я: настанет день,—
И он не за горами,—
Когда листвы волшебной сень
Раскинется над нами.*

*Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат,
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат!»*

И, задыхаясь от погони
За песней новою своей,
Поднялся он в грозе и звоне
Кипучих мыслей и страстей.

Слова запели, затрубили
В сердца, в века, светлы, легки,
Взлетев, как птицы, в изобилии
Из-под сухой его руки.

Скорее настесь окна, двери! —
И тьма, и солнце за окном.
Навстречу небывалой зре
Выходит Бернс. Но где-то гром,

Но где-то молния полощет
И альбатрос зовет на бой.
И он на Эдинбурга площадь
Выходит, словно в век иной.

Идет, виденьем осиянный
Грядущих дней, — идет, спешит,
И шаг, как ямб, гудит, чеканный,
Квадратный меряя гранит.

Навстречу в хохоте, в гримасах,
Качая бантами, идет
Ватага чванниц толстомясых
В сопровождении господ.

Владельцы замков, бирж владыки,
Закона лживого столпы,
Ораторы придворной клики
И лицемерные попы,

Сановные душепродавцы,
Обманщики простых людей
И королевские лукавцы —
Поэты-плуты всех мастей, —

Они идут, сомкнувшись вместе,
Высокомерно выгнув грудь,
Тупым шлагбаумом бесчестья
Загородив свободный путь.

Но, поглядев на них сурово,
Он не отступит ни на миг,
Ни на одно живое слово,
Ни на один крылатый стих.

Пускай шипят, свистят, вздыхают.
Пусть проклинаят всем гуртом,
Пускай смеются, пусть пугают
Тюрьмой, веревкою, крестом,—

Он, словно воин в час похода,
Лицом сверкая грозovým,
Поэт народа, сын народа,
Идет, грозя врагам своим.

Не одиночкою бесплодным,
Протухшим где-то взаперти,—
Идет глашатаем народным,
Уверенным в своем пути.

Он так идет, как бы в бессмертье
Вступает, в бедности рожден.
Земля, где Бернс родился, верьте,
Опять родит таких, как он.

И плоть от плоти, кровь от крови
Земли, народа своего,

Они в труде, борьбе и слове
Вновь служат помыслам его.

И Бернса вещие прозренья
Им вспомнились, когда вдали
Мир мракобесья, мир гниенья
Живые грозы потрясли.

Когда у края небосвода
Блеснул невиданный восход,
Где древо первое свободы
Взрастил и выходил народ,

*«Тогда поклялся злобный сброд,
Собранье всех пороков,
Что деревцо не доживет
До поздних, зрелых соков.*

*Немало гончих собралось
Со всех концов земли, брат...
Но злое дело сорвалось,
Жалели, что пошли, брат!»*

Товарищ, Бернсовы слова
В простом народном обиходе
Живут доселе, как жива
Душа правдивая в народе,

Как песнь о торжестве побед,
О воплощенье снов пророчьих...
В кварталах Ланарка рабочих
И там, в горах, где жил поэт,
Их не забыл шотландец, нет!

1948

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Дуврские скалы. Перевел <i>П. Антокольский</i>	3
Биг Бен. Перевел <i>П. Антокольский</i>	5
Набросок портрета. Перевел <i>П. Антокольский</i>	9
В Стратфорде на Эйвоне. Перевел <i>П. Антокольский</i> . .	12
В одном из лондонских кварталов. Перевел <i>П. Антокольский</i>	17
Сумерки в Гайд-парке. Перевел <i>Н. Заболоцкий</i>	22
Солдатская баллада. Перевел <i>Н. Заболоцкий</i>	24
Странствующий джентльмен. Перевел <i>Н. Заболоцкий</i> . .	32
Встреча в Шеффилде. Перевел <i>Н. Заболоцкий</i>	35
По шотландской дороге. Перевел <i>Н. Заболоцкий</i>	38
Воспоминания о Бернсе. Перевел <i>Н. Заболоцкий</i>	41

Переплет и титул художника В. Селенгинского

*

Редактор *А. Рабикина*. Художественный редактор *К. Буров*
Технический редактор *М. Позднякова*
Корректор *В. Знаменская*

*

Подписано к печати 26/1 1951 г. А-00212.
Формат бум. 60×92¹/₁₆=1¹/₂ бум. л. 3 печ. л. 2,25 уч.-изд. л.
Тираж 10 000 экз. Зак. № 698.

*

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26

